

Герои поэмы Блока «Двенадцать»

Иванов-Разумник

Поэт нисколько не поэтизирует героев поэмы. На фоне «черного вечера» и «белого снега», сквозь снежную пелену рисует поэт черными четкими штрихами картину «революционного Петербурга» конца 1917 года. Тут и огромный плакат «Вся власть Учредительному Собранию», и «невеселый товарищ поп», и старушка, которая «никак не поймет, что значит, на что такой плакат, такой огромный лоскут», и оплакивающая Россию «барыня в каракуле», и злобно шипящий «писатель, вития»... И так все это мелко, так далеко от этого великого, что совершается в мире, так убого, что «злобу» против этого всего можно счесть «святой злобой»:

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищ! Гляди
В оба!

И вот на этом фоне, под нависшим черным небом, под падающим белым снегом — «идут двенадцать человек»... «В зубах — цыгарка, примят картуз, на спину б надо бубновый туз!» А былой товарищ их, Ванька, — «в шинелишке солдатской, с физиономией дурацкой» — летит с толстоморденькой Катькой на лихаче, «электрический фонарик на оглобелях»...

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Электрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!..

И этот красногвардеец Петруха, уже не раз бросавшийся с ножом на Катьку («у тебя на шее, Катя, шрам не зажил от ножа, у тебя под грудью, Катя, та царапина свежа!»), этот Петруха, уложивший уже офицера, («не ушел он от ножа!»), а теперь угрожающий расправою и новому сопернику: «ну, Ванька, сукин сын, буржуй! Мою, попробуй, поцелуй!» И сама «толстоморденькая» Катька, которая «шоколад Миньон жрала, с юнкершем гулять ходила, с солдатьем теперь пошла»... И эти товарищи Петрухи, без минуты раздумья расстреливающие мчавшихся на лихаче Ваньку с Катькой: «Еще разок! Взводи курок!.. Трах-тарарах!» И убитая Катька — «Лежи ты, падаль, на снегу!» И насмешки товарищей над Петькой, помянувшим имя Христа: «Петька! Эй, не завирайся! От чего тебе упас золотой иконостас? Бессознательный ты, право, рассуди, подумай здраво — али руки не в крови из-за Катькиной любви?»

Это ли апостолы новой власти? Это ли те «двенадцать», которым предшествует «в белом венчике из роз, впереди — Иисус Христос»? Или и на этот раз он «с беззаконными вменися?» Или и на этот раз «беззаконство» хоть и не прощается, но покрывается чем-то высшим?

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!
Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

Смерть Катьки не прощается Петрухе. «Ох ты горе горькое! Скука скучная, смертная!» И пусть не раскаяние, а новая злоба лежит на его душе — «уж я ножичком полосну,

полосну!.. Ты лети, буржуй, воробышком! Выпью кровушку за зазнобушку, чернобровушку...» — но гнета не снять с души: «успокой, Господи, душу рабы твоея... Скучно!» И разве в раскаянии тут дело? Правда, «разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи», — но что мы знаем о другом разбойнике «безумном»? И в крови скольких женщин и детей были, может быть, обогрены руки его «благоразумного» товарища, сораспятого Христу евангельского «злодея»? И ему — прощение, ему — рай за «раскаяние», за «помяни мя, Господи»? И злодейства «двенадцати» тогда не покрываются ли тем, что стоит за ними, не черной стихией, а светлым сознанием? Пусть кажется им, что идут они против Христа, против креста —

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та !

но все же впереди них роза и крест в «нежной поступи надвьюжной», в «снежной россыпи жемчужной»:

Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Н. Оскольский

В поэме «Двенадцать» интересны изображенные поэтом образы красногвардейцев. Среди них есть сознательные и несознательные бойцы, вихрем истории вовлеченные в революцию.

В «несознательных» ходит Петруха, «бедный убийца» проститутки Катьки, которую он любил. Все же прочие представляются каким-то монолитным коллективом, оказывающим на своего непутевого товарища здоровое воспитательное действие:

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Вглядимся и вслушаемся в то, что сказано о «двенадцати» при первом же их появлении:

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Сам разговор же их вроде ничем не примечателен и рисует их изыбшими людьми, не без зависти думающими о тепле и кабаке, в котором обретаются Ванька с Катькой:

Холодно, товарищи, холодно!
 — А Ванька с Катькой — в кабаке...
 — У ей керенки есть в чулке!
 — Ванюшка сам теперь богат...
 — Был Ванька наш, а стал солдат!

Но ощущение исчезнувшей опасности заставляет их быть настороже:

Революционный держите шаг!
 Неугомонный не дремлет враг!

Смелость автора поэмы в том, что он изображает бой честно, без прикрас.

«Свобода без креста» — в устах красноармейцев это звучит как разгульный, разбойничий клич, своего рода «сарынь на кичку». За ним кроется развязанность рук для всего, о чем вчера еще только в мечтах помыслить могли, отрешение от принудительно навязанных правил:

Стой, стой! Андрюха, помогай!
 Петруха, сзади забегай!..
 Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
 Вскрутился к небу снежный прах!..
 Лихач — и с Ванькой — наутек...
 Еще разок! Взводи курок!..
 Трах-тарарах! Ты будешь знать,

 Как с девочкой чужой гулять!..

При помощи образов Ваньки и Катьки Блок вводит в поэму тему отступничества, житейского соблазна, которому как-то поддался Ванька, перекочевавший во вражеский стан. При столкновении с Ванькой в других красногвардейцах проявляются не только зависть к его беспечному житью, к его лихости в любовных делах, но и месть за измену товарищам, их общему, пусть даже неясно представляемому делу.

«Ты будешь знать, ... как с девочкой чужой гулять!..» — это то, что выговорилось в пылу короткого преследования «лихача», где красуется Ванька, как еще недавно разъезжали «настоящие» господа и офицеры.

С. Петров

Один из героев поэмы Блока — бывший красногвардеец Ванька («Ну, Ванька, сукин сын, буржуй...»). О нем мы узнаем из слов его бывших товарищей, тех, кто патрулирует улицы Петербурга, мерзнет в стужу, выискивая *новых и старых* «буржуев» — врагов Мировой революции.

Вероотступник Ванька хочет сладкого житья? Да кто ж его не хочет! Все двенадцать хотят. Но он откровенно готов ограничиться собственным довольством, стакнувшись с теми, кого недавно еще ненавидел вместе со своими товарищами. За эту не названную вслух вину его и ненавидят:

Злоба, грустная злоба
 Кипит в груди...
 Черная злоба, святая злоба...

Когда-то Блок описывал любовное свидание так:

Две тени, слитые в поцелуе,
 Летят у полости саней, —

и словно вызывал этим образом воспоминание о том, что все это уже не раз повторялось. А «любовный» дуэт Ваньки с Катькой — это кривляющаяся тень недавней господской жизни, то же «унижение» любви, человека, женщины, которое ужасало Блока в «богатых» публичных домах. Поэтому красногвардейцы с такой яростью палят по лихачу с Ванькой, ведь это снова перед ними — та «Святая Русь», лицемерная, толстосумная, откормленная, которую они хотели сжить со света и брали на мушку стареньких австрийских ружьиц:

Товарищ, винтовку держи, не трись!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —
 В кондовую,
 В избяную,
В толстозадую!

Но пуля настигает не Ваньку, а «толстоморденышку» проститутку Катьку. Неизвестно, удастся ли «двенадцати» осуществить свою угрозу и расправиться завтра с «утекшим» Ванькой, а Катька — «мертва, мертва!».

Что ж, ведь к тому шло, ведь и здесь «покарана» измена: Катьку любил Петруха, а она?

С офицерами блудила...
С юнкерем гулять ходила —
С солдатней теперь пошла?

Стоит ли жалеть ее?

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

И. Львов

В поэме «Двенадцать» при помощи «столкновения» образов главных героев — Катьки, Ваньки и Петрухи — Блоком создается особое сюжетное напряжение произведения. В нарастающем яростном монологе Петрухи, взбудораженного первой встречей с Ванькой и Катькой, растравляющего себе сердце гневом, ревностью, циничным осмеянием «предмета» своей страсти, сквозь нарочито грубые слова звучит неостывшая любовь:

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

А после убийства эта любовь прорывается бурно и откровенно:

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки темные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

«У бедного убийцы не видать совсем лица»: он прячет свою растерянность от товарищей. Но вдруг перед нами выступает лицо человека любящего, оскорбленного, страдающего. За ухарской бравадой обнаружилась запрятанная личная драма, которая сродни чувствам прекраснейших героев лирики Блока и его самого.

Да и Катька, эта «проститутка не из самых затрапезных», как снисходительно пишут о ней подчас, осветилась иным светом! И поэт мог бы обратиться к ней слова из стихотворения «Перед судом»:

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Как очутилась Катька «на краю»? Быть может, тоже, «бывало, шла походкой чинною на свист и шум за дальним лесом» с неясной надеждой на любовь и счастье, как героиня стихотворения «На железной дороге», а потом очутилась не на рельсах, а на панели, но все равно раздавленной?

Отголосок какой-то драмы, вроде постигшей толстовскую Катюшу Маслову, соблазненную молодым баринном, слышится в бешено ненавидящих и полных страдания речах Петрухи:

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Как быть ее памяти свежей, когда перед ней нескончаемой чередой проходили «в звоне стаканов купчик, шулер, студент, офицер» и даже ко всему привыкший Бог был как бы заново распят в этой комнате позорного дома и корчился от нечеловеческих страданий:

... губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

(«Унижение»)

Голос самого поэта, чувствующего вину всего прежнего общества перед этой судьбой, сливается в оплакивании Катьки Петрухой. Причитаниям «бедного убийцы» как бы вторят струны всей блоковской лирики:

Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

(«Перед судом»)

Л. Сказкин

В поэме Блока «Двенадцать» образами Катьки, Петрухи и Ваньки выражена драматическая история любовных столкновений и измен. Рассказ о раздавленной революцией любви — живая, трепещущая «плоть» не только поэмы Блока, но и народной жизни, истории. Петруха не только не «отстающий» от неких бесплотных и идеальных героев революции: он наиболее яркая фигура среди них, близкая и понятная Блоку реальной сущностью своих переживаний.

Уже на заре новой эпохи Блок расслышал в музыке революции проблему соотношения революции и личности, самопожертвования и жертвоприношения во имя революции.

Вот красногвардейцы, кто участливо, кто грубовато-насмешливо, расспрашивают своего помрачневшего товарища:

— Что, товарищ, ты невесел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

Любопытно, что интонация этих строф ассоциируется с известной народной песней о Стеньке Разине — «Из-за острова на стрежень...» (вплоть до почти текстуальных совпадений: «Что ж, вы, хлопцы, приуныли»). Впоследствии же друзья сетуют: «Что ты, Петька, баба, что ль?»).

Похоже, что, вольно или невольно, вся сюжетная ситуация знаменитой песни в какой-то мере «сквозит» в истории Петьки и Катьки, хотя и в удивительно трансформированном виде.

Друзья Петьки недовольны им за то, что он слишком бурно предается своему горю и дорогим воспоминаниям. Его скорбь кажется (как персидская княжна рязанской ватаге!) помехой красногвардейцам:

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

«Этот ропот и насмешки», говоря словами песни, слышит Петруха и пытается по своему совершить подвиг, подобный разинскому, — бросить в «Волгу революции» память о своей любви:

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...
Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...
Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Но «грязнуть плясовую на помин ее души», как то поется в песне, Петрухе не удается: из его груди вырывается мрачная угроза тем, в ком он смутно чувствует истинных виновников Катькиной гибели, и в то же время вопль насмерть раненной души:

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!
...Упокой, господи, душу рабы твоя...
Скучно!

И. Поздняков

Образ Петрухи — один из самых сложных, противоречивых героев поэмы Блока «Двенадцать». Любовная драма Петрухи глубоко закономерна для замысла Блока: если бы не она, изображенное им шествие красногвардейцев было бы просто плакатом, провозвестником галереи так называемых «кожаных курток» — упрощенных образов большевиков в литературе двадцатых годов. История Петрухи открывает в них людей с живой, горячей кровью.

Их шествие приобретает еще больший драматизм, когда они замечают, что за ними увязался «нищий пес голодный». Прежде мы видели его на перекрестке рядом с буржуем:

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Старый мир, буржуй, пес — эти образы так многократно пересекаются друг с другом, входят один в другой, воплощаются один в другом, что, когда мы видим ковыляющего позади красногвардейцев пса, эта деталь воспринимается в самом широком плане:

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком щекекочу!

Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает...

Из жалкого «старый мир» становится угрожающим; уже Иванов-Разумник писал, что пес «ждет только минуты, когда можно будет наброситься и растерзать носителей мира нового».

Вспомним трагедию Гете «Фауст», в которой речь идет о псе, увязавшемся во время прогулки за Фаустом, который сразу заподозрил в нем оборотня:

Кругами, сокращая их охваты,
Все ближе подбирается он к нам.
И, если я не ошибаюсь, пламя
За ним змеится по земле полян.
...Как он плетет вокруг нас свои извивы!
Магический их смысл не так-то прост.

(Перевод Б. Пастернака)

Так поэма Блока приобретает высокое, трагическое звучание: по пятам «двенадцати», по следам России, «птицы-тройки», ринувшейся в неведомую даль, гонится волчья стая хищных инстинктов и дьявольских надежд на неудачу всякой возвышенной мечты!

В. Назаров

По-особенному раскрыт Блоком собирательный образ двенадцати красногвардейцев. Через динамику их переживаний, диалогов, вскриков, динамику их чувства ненависти и решимости поэт передает «революционный лик» начала XX века.

Двенадцать красногвардейцев пробираются сквозь лютую вьюгу; они «ко всему готовы», насторожены; их ведет вперед инстинкт; они еще толком не представляют себе до конца весь смысл своей борьбы, своего «державного шага» в будущее:

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

До рези в глазах всматриваются они вперед, в белую кипень метели, где «не видать совсем друг друга за четыре за шага» (даже испытанные политики не могли предугадать тогда развития событий!), стреляют в мельтешащие вокруг тени и не знают, что их дело — свято, высоконравственно, что

Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Не случайное число патрульных превратилось у Блока в символ: его красногвардейцы, пусть даже несознательно, делают то же, что некогда двенадцать апостолов, разносящих по миру новое учение — «бурю, истребившую языческий старый мир» (как писал Блок в очерке «Катилина»).

Христос во главе красногвардейцев означал собою моральное благословение революции, ее конечных целей и идеалов.

Н. Горбунов

В поэме Блока «Двенадцать» речь идет не о политической системе, а о спасении души — во-первых, красногвардейца Петрухи, так неожиданно поставленного поэтом в художественный центр событий поэмы, затем — одиннадцати товарищей его, наконец, — многих тысяч им подобных, всей бунтарской России — ее «необъятных просторов», ее «разбойной красы».

Конечно, «старый мир», и его представители, «товарищ-поп», «писатель-вития», «барыня в каракуле» и «буржуй, как пес, голодный», не пользуются художественной симпатией автора:

Ветер хлесткий!
 Не отстает и мороз!
 И буржуй на перекрестке
 В воротник упрятал нос.

А это кто? — длинные волосы
 И говорит вполголоса:
 — Предатели!
 — Погибла Россия!
 Должно быть, писатель —
 Вития...

А вон и долгополый —
 Сторонкой — за сугроб...
 Что нынче невеселый,
 Товарищ поп?

...Вон барыня в каракуле
 К другой подвернулась:
 — Уж мы плакали, плакали...
 Поскользнулась
 И — бац — растянулась!

Любовь красноармейца Петрухи к проститутке Катьке, внезапно выросшая до размеров центрального события «политической» поэмы, рассказана еще прежде в его цыганских стихах. Это духовный максимализм в любви, который описал Достоевский словами Дмитрия Карамазова о Грушеньке («у Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела...»), и который увлекает нас в любовной лирике Блока:

Ох, товарищи, родные,
 Эту девку я любил...
 Ночки темные, хмельные
 С этой девкой проводил...

Покрывающее победные мотивы народного бунта настроение безысходной тоски, пустоты и бесцельности жизни, тяжелого похмелья, звучит в поэме Блока. Оно знакомо нам из лирики поэта. Основной мотив — революционно- религиозное отчаяние, которое испытывают герои поэмы, оно следует (подобно старому псу!) за опьянением от октябрьского бунта:

Ох ты горе-горькое
 Скука скучная
 Смертная!
 Уж я времечко
 Проведу, проведу...
 Уж я темечко
 Почешу, почешу...

Уж я семечки
 Полушу, полушу...
 Уж я ножичком
 Полосну, полосну...
 ...Успокой, Господи, душу рабы твоя...
 Скучно!

Надо сказать, что слово «скучно» у Блока совсем не гоголевское («Скучно жить на этом свете, господа»...), оно синонимично другому, более трагическому — «страшно»! Отчего страшно бесстрашным красногвардейцам, идущим по темным улицам Петербурга, разрывааемым черным вечером? Им непонятно, почему счастливым переменам не рады («Товарищ, гляди в оба!») «товарищ поп», «барыня в каракуле», «писатель — вития»? Но они и не могут быть рады тому, что потеряли прежний достаток, уверенность в будущем, статус прежней «сытой» жизни. Им непонятно, почему Ванька переметнулся в стан врага? Нет, они сами бы хотели «быть богатыми»... Им непонятно, почему они на улицах революционного города? Понятно: красногвардейцы защищают Мировую революцию. Но... они не счастливы. Поэтому им страшно. Что же это за Мировая революция, Мировое счастье, если страх, как голодный пес, волочится по пятам за теми, кто это счастье выстрадал, отвоевал?! Согрешив, обогрив руки в крови брата, они завоевали право на власть, но не рады этой власти...

Д. Максимов

В поэме «Двенадцать» Блок создает многоголосие объективного социального мира — «душевный город». Поэма развивается как отдельные сказовые голосовые партии. И образ Петрухи выносится в «Двенадцати» на авансцену. Петруха особенно явно соотносится с лирическим героем Блока дооктябрьской поры. В нем, в Петрухе, как и в сознании «блоковского человека», борется стихия индивидуалистического своеволия, равнодушия к добру и злу с высоким, музыкальным началом, в котором «стихийная музыка» превращается в «музыку долга», влекущую его и соратников в будущее («Революционный держите шаг!»). Получается так, что вся новелла о Петрухе, его страсть, его «падение» и намек на его «выпрямление», в сущности, — рассказ о его пути, вызывающий аналогию с представлением о пути блоковских красногвардейцев в целом. А с другой стороны, это новелла о пути героя блоковской лирики. Поэт не устранил из своей поэмы исконной тревоги о судьбе мира, о его будущем («Порядок мира тревожен», — говорил Блок в речи «О назначении поэта».) Угроза оборачивалась в поэме навязчивым, оскаленным видением старого — «страшного мира», который в обличии пса-волка неотступно плелся за двенадцатью в сопровождении карикатурно-жалких, но по-своему «вечных» и навязчивых, как галлюцинации, обывателей. «Страшный мир» — клубок темных и мстительных страстей Петрухи и его товарищей, помогавших ему в его кровавой расправе:

Черное, черное небо.
 Злоба, грустная злоба
 Кипит в груди...
 Черная злоба, святая злоба...
 Товарищ! Гляди
 В оба!

Тревога сказала даже в финале поэмы — в образе Христа. Христос в поэме — многозначный символ, несущий в себе множество смыслов.

Утверждение революции — основной мотив поэмы. Двенадцать, несмотря ни на что, сквозь ветер и вьюгу идут своим снежным путем в будущее, покорные таинственному, влекущему их долгу. Революция помогла Блоку осознать диалектику стихии, тех сил,

которые в своей нераздельности и неслиянности строят сюжет и ритмы «Двенадцати». Поэма — это попытка поэта, не отрекаясь от себя, помня о себе, выйти за свои пределы.

В. Евгеньев-Максимов

Изображая главных героев поэмы, Блок серьезно поступает художественностью, олицетворяет «старый мир» и говорит про него, будто он «стоит» позади «буржуя» «безмолвно как вопрос» (кстати: вопрос вовсе не безмолвен, — он, скорее, настойчив, шумлив, криклив, пока его не удовлетворят, пока на него не ответят), да, — так «старый мир» стоит, «как пес безродный, поджавши хвост» (кстати: «старый мир» меньше всего можно сравнить с «безродным» существом, он именно родовит, он стар, и как раз в этом его сила, что за ним — длинный ряд поколений, внушительная галерея предков). И самое название «Двенадцать», а не хотя бы «Тринадцать». У нас невольно возникает воспоминание о двенадцати апостолах.

А Христос с красным флагом — образ, выражающий дыхание небесной божественности среди земной метели.

А. Цинговатов

Кто же эти «двенадцать», изображенные в знаменитой революционной поэме? Не передовой отряд сознательных революционеров-пролетариев, не авангард революции, а рядовые представители солдатско-крестьянской громады, ринувшейся, как лавина, на штурм старого мира, со смутным, туманным сознанием, но безошибочным бунтарским чутьем — в защиту идеала социальной правды-справедливости — идеала, еще обвеянного для многих из них старинным пафосом, запечатленным в свое время декабристами, Герценом, Некрасовым, некоторыми народниками 70-х годов. Своеобразным пафосом, где народная революция сочеталась с народным же «Исусом Христом», который, «в рабском виде» исходив всю родную землю, выбрал окончательно «не мир, но меч», взял в руки «кровавый флаг» и мобилизовал себя на служение восставшим народным массам, шествуя впереди отряда из 12 апостолов-красногвардейцев. В таком подходе к революции Блок обличает свое сродство с интеллигентами-народолюбцами, преклонявшимися пред «народной правдой», и замыкает собою давнюю романтически-героическую традицию народничества революционного.

В поэме «Двенадцать» Блок сумел уловить суровое величие и трагическую красоту Октябрьской революции. Среди жестокостей, потоков крови, разгула страстей — явлений, неизбежно сопутствующих всякому глубокому социальному перевороту, — Блок усмотрел истинно-прекрасный лик революции, для большинства интеллигентов еще не ясный, скрытый, и изобразил его в символическом образе Христа с красным флагом.